

Денис Рогалев

БУКВАРЬ

<https://litres.ru/74658607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двое друзей встречаются после давней ссоры и спонтанно отправляются в заброшенный военный городок, где, если верить одному из друзей, он встретил на днях Бога...

БУКВАРЬ

А (чёрная)

Арбуз – сладкий и душистый – как раз был разрезан пополам, когда в дверь внезапно позвонили. Пётр Денисов недовольно крикнул и пошёл открывать, глотая на ходу слюну. На пороге стоял взъерошенный и взволнованный Павел Дуров – друг детства, которого Денисов не видел больше года. От Павла разило перегаром и копчёной рыбой, а его борода не предвещала ничего хорошего.

- Я видел Бога, - решительно переступив через порог в квартиру, сходу объявил Дуров.

- Чего? – нахмурился Денисов.

- Ты не ослышался, - поспешил заверить Дуров, залпом опустошив подвернувшийся ему под руку в коридоре стакан с водой. – Я располагаю неопровержимым доказательством существования Бога.

- О, как! – усмехнулся Денисов, не веря ни единому его слову. – Доказательство Бога?

- Именно, - подтвердил Дуров. – Я пройду?

- Конечно...

Гость стремительно стянул с себя башмаки и прошёл в комнату. Увидев на столе разрезанный пополам сочный арбуз, Павел тут же с жадностью на него накинулся, отрезав себе увесистую алую краюху.

- Мне нужны детали, - сказал Пётр, внимательно наблюдая за другом.

- Не всё так просто, - заметил Дуров, поедая арбуз, капая при этом на бороду и пол. – Ты должен поехать со мной и сам всё увидеть своими глазами.

- Куда поехать?

- В «Мирный».

Денисов знал, о чём говорил ему Дуров - заброшенный военный городок, в котором уже больше двадцати лет никто не проживал. Денисов никогда там не бывал, но однажды проезжал мимо шлаббаума, за которым располагался городок, и то, что он увидел за шлаббаумом, производило самое удручающее впечатление: пустынные дворы, заброшенные пятиэтажные дома без окон и ржавые трубы старой кочегарки.

- Ты хочешь мне сказать, что видел Бога в «Мирном»? – усмехнулся Пётр, взяв и себе арбуз. – Заброшенный военный городок на краю города?

- Он самый, - кивнул Павел, открыв зажигалкой бутылку «Малкинской» воды.

- Лучшего места не придумать, - заметил Денисов, вызвав у Дурова приступ неприятного гоготания. – Ты пьяный?

Пётр сомневался в психическом здоровье нежданного гостя.

- Это к делу не имеет никакого отношения, - ответил Павел. – Гм... Слушай, вкусный арбуз! Где ты его достал? У нас он стоит целую кучу денег.

- Пришлось раскошелиться, - сказал Пётр, потеряв интерес к арбузу.

- Что, красная икра стоит поперёк горла? – снова неприятно загоготал Павел.

- Вроде того... Знаешь, у меня важные дела... Не хочу тебя торопить...

- Ты хочешь, чтобы я убрался поскорее и куда подальше, - закончил за Денисова Дуров. – Я тебя понимаю, и потому совсем не сержусь. Не знаю, как бы я повёл себя на твоём месте, если бы слышал такое от потерявшего последнее доверие друга, который, ко всему прочему, ещё и пьян. В очередной раз, мать его!

- У меня действительно дела, - тихо сказал Пётр.

- Какие? Слопать в одно рыло дорогуший арбуз?

- Только не гогочи опять, - резко вставил Пётр, бросив полосатую краюху на стол. – Ты похож сейчас на психа.

- Воображаю, - сдержался Павел, оставив арбуз в покое. – Я понял: тебя смущает моя борода. Ты никогда не видел меня с бородой. Хочешь я её состригу сейчас же прямо при тебе?

Дуров стал метаться по комнате в поисках ножниц.

- Не паясничай, - скривился Денисов. – Мне плевать с бородой ты или нет.

- Давай так! - порывисто присев на диван и хлопнув себя по ляжкам, подытожил Дуров. – Ты поедешь со мной в «Мирный», и если ничего *такого* там не увидишь, то, даю

тебе слово, я брошу пить.

- Заманчивое предложение, - ответил Пётр.

- Неужели ты не воспользуешься редким случаем и не сможешь своему старому другу справиться с пагубной привычкой? – дожимал его Павел. – Ты знаешь: подобных обещаний я никогда и никому не давал. А слово своё я держу.

Пётр внимательно наблюдал за Павлом, веря, что в жизни у того произошли какие-то важные перемены, что тот был очень взволнован, даже напуган чем-то, не зная, как ему справиться с обрушившимися на него событиями в одиночку. В то же время Пётр продолжал ловить себя на мысли, что его старый друг страдает психическим расстройством.

- Однажды ты уже видел НЛО, - сказал Денисов, помолчав.

- Да, чёрт возьми, видел! – чуть не криком ответил Дуров. – Я вам честно об этом сказал, но вы мне не поверили. Ни один из вас! С тех пор ты избегаешь встреч со мной.

- Врать не буду: избегаю, - признался Пётр. – Напомни, как всё произошло?

- Ты сам прекрасно знаешь, - ответил Павел. – Ты тоже там был.

- Вот именно! – воскликнул Пётр. – И ничего там не видел. Ни-че-го!

- Не видел и не видел, - махнул рукой Павел. – Сейчас совсем другое дело. Я тебе дал своё слово. Ты волен распорядиться им как тебе угодно. Но распорядись им по совести.

- Ишь ты, - засмеялся Пётр. – По совести... Какие громкие слова.

- Для меня они не утратили своей значимости, - сказал Павел, достав из кармана пачку сигарет. – Тебе решать.

- Не кури в комнате, - попросил Денисов, обдумывая предложение Дурова. – Расскажи мне, что ты увидел в «Мирном»? Намекни хоть.

- Я не могу сейчас раскрыть все карты, - ответил Павел. – Ты должен сам проделать этот путь... Впрочем...

Павел извлёк из кармана брюк сложенный в четвертинку старый лист.

- На вот, почитай.

- Что это? – спросил Денисов.

- Одно из множества доказательств, - ответил Дуров.

Пётр расправил лист, увидев набранный на печатной машинке текст:

«...проснулся с рассветом. Он не знал, какое заключение сделать из своей случайной поездки. Голова шла кругом, ум за разум заплетался. Павел сбегал в магазин, чтобы взять водки. «Без пол-литра здесь не разобраться», - подумал он, решая в уме странную головоломку. Опохмелившись и закусив копчёной чавычой, Павел разложил на полу чистые листы, которые он взял с собой на всякий случай. Шальная мысль, что он способен заглянуть в своё будущее, хоть краешком глаза, хоть на одну минуту, не давала ему покоя всё это время. Листы были старые, грязные и заскорузлые,

но на новизну текста, на его волшебные свойства данный факт, как предполагал Павел, сказаться не должен. Обложив весь пол в своей спальне, Павел присел на край кровати и стал наблюдать за чистыми листами, ожидая немедленного наполнения текстом одного из них.

Никогда Павел не хотел знать своего будущего. В беседах с немногочисленными друзьями он любил повторять, что будущее тем и занимательно, что никто и ничего не способен на него воздействовать, а, следовательно, о будущем никто ничего не знает, включая всех предсказателей, которые может быть и видят картины будущего, как застывшие навсегда фотоснимки в альбоме, но воздействовать на него не могут. «Глупый, бесполезный дар», - говорил Павел. Теперь же, имея такую фантастическую возможность, он сомневался. Он не знал толком, как поступить, когда завеса будущего вдруг приоткроется перед ним, явив ему свои сокровенные тайны – читать дальше, читать запоем, или же увидеть пару-тройку ключевых фраз и быстро смешать листы в одну беспорядочную кучу? Как бы то ни было, Павел выжидал. Сомневался и выжидал

- Божественное вмешательство, - произнёс Павел вслух.
– Вот оно. Самое настоящее.

Между тем прошёл час, но с листами ничего сверхъестественного не происходило. Ополовинив бутылку с водкой, Павел незаметно прикорнул. В летучем сне он увидел девятилетнего себя и своего друга детства Петра, разъезжаю-

щих по району на отцовском мотоцикле с коляской. Тогда от отца Павлику крепко перепало за мотоцикл. Очнувшись, Павел осушил не выпитую им стопку и в очередной раз убедился, что листы чисты. «Сон в руку», - резюмировал Павел, взяв с пола один из листов наугад. Сложив его в четвертинку, Павел вышел из дома и напрямик отправился к Петру, которого не видел больше года».

- Я ничего не понял, - прочитав лист, честно признался Пётр. – Ты написал? Разъясни мне, неразумному.

- Потом сам всё поймёшь, - сказал Павел, сложив листок и спрятав его обратно в карман. – Боюсь сглазить...

Пока Денисов читал, Дуров весь просиял от радости, как если бы сделал очень важное для себя открытие.

- Чего улыбаешься? – спросил его Пётр. – Я ничего не понял из твоего листа.

- Пойдём до пивной прогуляемся, - предложил Павел, жадно и звучно глотнув из бутылки «Малкинской» воды. – Трубы горят.

- Чёрт с тобой, - сдался Денисов. – Пойдём пить пиво.

- Ты не пожалеешь, брат, - пообещал Дуров, чуть ли не бегом ринувшись в коридор.

Пётр надел чёрные джинсы и синий свитер, проверив свой кошелёк на наличие денег и банковских карт – Денисов знал, что одним пивом перед Дуровым он не отвертится, а денег у того, как всегда, в обрез.

- Арбуз не забудь! – крикнул из прихожей Павел.

Б (коричневая)

Было довольно странным спустя год идти в пивную с некогда лучшим непривычно бородатым другом, которого, как полагал Пётр, он потерял навсегда. В определённый момент Денисов поймал себя на неприятной мысли, что он, Денисов, стесняется на людях своего друга, в частности его помятого вида и его поношенной одежды. А ведь они дружили с детства – жили когда-то в одном подъезде (Пётр на втором этаже, Павел на третьем), играли в одном дворе, ходили в одну группу в детском саду, учились потом в одном классе, просидев бок о бок за одной партой все одиннадцать лет. Даже в учительском журнале их фамилии соседствовали. Денисов помогал Дурову с литературой и русским, а Дуров в свою очередь подтягивал Денисова по точным наукам. Оба занимались спортом – ходили в секцию баскетбола и карате. В классе они были самой дружной и неразлучной парой. Учителя неизменно ставили их в пример перед одноклассниками, когда речь заходила о настоящей дружбе. В старших классах они стали пользоваться популярностью у девчонок, которых друзья, несмотря на схожие вкусы и предпочтения, никогда не делили. Вместе они бегали с девчонками на танцы и гуляли вчетвером по вечерним улицам общего на всех детства до глубокой ночи. Выбор дальнейшей профессии также имел схожие для Петра и Павла черты – один стал

журналистом, а второй фотографом. Первым женился Денисов, но и Дуров не заставил себя долго ждать, сочетав себя браком уже на следующий год, дав реванш Петру в том, что первым обзавёлся детьми. Они продолжали дружить семьями, и все праздники старались отмечать вместе. Оба никогда не таились друг от друга, ничего не скрывая, обсуждая всё, что только могут обсуждать люди, и признаваясь во всём, в чём иной человек боится признаться самому себе. Они знали всё друг о друге, все самые страшные тайны и уязвимые места. Так Павел первым узнал, что Пётр после семи лет брака собирается разводиться с женой, о чём та лишь догадывалась. Вскоре, разделяя общую на двоих судьбу, развёлся и Павел. Именно тогда в тот сложный для обоих друзей период Дуров пристрастился к спиртному. На сей раз Денисов не разделил привычку друга, впервые, твёрдо решив для себя, что двух запоев с Дуровым, окончившихся в больнице под капельницами, на его век вполне достаточно. Алкоголь, по глубокому убеждению Петра, и явился тем камнем преткновения, который упал между закадычными друзьями, отдалив друг от друга и едва не сделав их чужими. Трезвый пьяного не поймёт. Петр испытывал отвращение, когда наблюдал пьяного Павла, в очередной раз явившегося к нему домой, чтобы занять денег на опохмел. Денисов перестал отвечать на телефонные звонки Дурова и открывать ему дверь, решив про себя, что тот давно спился и свихнулся, а как человек — кончился. Больше года они не виделись, и вот, к изумлению

Петра, они опять вместе и опять идут быстрым шагом к ближайшей пивной...

Заказали по кружке тёмного пива. Выбрав самый дальний столик у окна, Павел уселся на пластиковый стул и залпом ополовинил свою кружку. Его рука дрожала, а кадык неприятно пульсировал. Пригубив и свою кружку, Пётр осуждающе посмотрел на друга, не зная, то ли пожалеть его, то ли возненавидеть. Дуров довольно крикнул, гулко поставил кружку на стол и тыльной стороной ладони вытер белую пену со своей бороды.

- Полегчало? – поинтересовался Денисов.

- Издеваешься? – усмехнулся Дуров. – Дай мне хотя бы пять минут.

- По какому случаю эта твоя борода? – спросил Пётр.

- Был такой случай, - ответил Павел, закурив. – Расскажу как-нибудь, если так любопытно.

- Очень любопытно... Но в меньшей степени, чем твоё заявление по поводу Бога. Ты меня заинтриговал: не каждый день услышишь подобное.

- Ещё бы! Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что именно тебе я хочу показать то, что увидел сам и то, что изменило мою жизнь навсегда.

- Прямо таки изменило, - сомневался Денисов. – Разве что твоя борода...

- Не ёрничай, - прервал Дуров, присосавшись к кружке с пивом. – Бороду я отрастил задолго до того.

- И давно твоя жизнь изменилась? – поинтересовался Денисов.

- С сегодняшнего дня, - ответил Дуров. – Я пока не знаю, каким образом она изменилась и куда меня заведёт её кривая, но я точно знаю одно – как раньше жить я уже не могу.

Павел встал из-за стола.

- Ты куда? – спросил его Пётр.

- Отлить, - сказал он, направившись к барной стойке. Спросив что-то у официантки, Павел скрылся в подсобном помещении. Пока он отсутствовал, Пётр взвешивал все за и против, размышляя над предложением друга отправиться далеко за город в поисках неизвестно чего, о чём он говорил туманно и намёками. Чаши весов клонились в сторону отказа – допить пиво, взять ещё по кружке-другой и на том распрощаться.

- Чем вообще сейчас занимаешься? – спросил Пётр у Павла, когда тот вернулся из подсобки.

- Пью, как видишь, перебиваюсь случайными женщинами, делаю регулярные вылазки на природу, чтобы пофотографировать, и слушаю новый инструментальный альбом «Пинк Фloyd», - ответил Павел, усевшись за стол. – А ты чем похващаешься?

- Да, в общем-то, нечем, - пожал плечами Пётр. – Живу один, никуда не выезжаю, пишу статьи... Всё как обычно. Время летит быстро и однообразно.

- Значит, я не зря к тебе наведалься, - констатировал Па-

вел. – Твою скуку я намерен развеять самым радикальным образом. Готов спорить, что с таким предложением к тебе никто ещё не обращался и вряд ли когда-нибудь обратится.

- Я согласился попить с тобой пивка, поговорить о том, о чём, и только, - заметил Денисов. – Лететь с бухты-барахты к чёрту на рога я не собираюсь.

- Пойми, ты ничего не теряешь, - продолжал уговаривать Павел. – На худой конец напишешь статью про долину Грёз. Ты давно там был? Вот-вот, я о том же... Со своей стороны обещаю отменный фотоотчёт из заповедника к твоей статье. Ну? Чего тут киснуть? Едем?

Чаши весов дрогнули и заколебались в другую сторону.

- Допустим, - сказал Денисов. – Когда ты хочешь поехать?

- Да хоть сейчас! – с готовностью отозвался Дуров. - Только давай сначала забежим в магазин и возьмём водки. Без пол-литра там не разобраться.

Денисов медленно поставил кружку с пивом на стол и внимательно посмотрел на друга.

- А-А-А! – воскликнул он, хлопнув себя по лбу. – Какой же я идиот, что клюнул на твою удочку!

- Какую удочку? – спросил Павел.

- *Я видел Бога*, - передразнил его Пётр. – Так бы прямо и сказал: хочу, мол, похмелиться. Вот и всё. Зачем выдумывать небылицы?!

- Я ничего не выдумывал, - ответил Дуров со всей серьёзностью, на какую только был способен. – Да, я видел чудо. И

ты тоже его увидишь, если доверишься мне.

- Слушай, я тут подумал: ты, случайно, не вступил в какую-нибудь секту? – спросил Денисов в лоб.

- Кукую ещё секту? – усмехнулся Дуров.

- Ну, не знаю, какие они сейчас есть, - сказал Пётр, закулив. – Свидетели чего-то там, что заставляет людей бросать свои семьи и продавать свои дома.

- Ты оскорбляешь мой разум, - с неподдельной обидой в голосе ответил Павел. – Я далёк от всей этой шушеры так же как и ты. Мне претит одна только мысль, что среди нас есть бутафорские пророки, перевоплощённые в людей Бога, на поверку оказывающиеся обычными шарлатанами, у которых чувства стыда и совести напрочь атрофированы. Я презираю таких людишек, и от всей души желаю, чтобы они горели вечно в отнюдь не бутафорском аду.

- Ладно-ладно, не заводишь, - поспешил успокоить друга Пётр.

- Ты действительно держишь меня за дурачка, коли думаешь так, - произнёс Павел, встав из-за стола с очевидным намерением уйти.

- Извини, - придержал его за руку Пётр. – Глупость сказал.

- Несусветную! – добавил Павел. - Я и секта... Брат, ты давно со мной не общался.

Пётр задумчиво крутил на столе пустую кружку: скучные статьи, осенняя тоска, спонтанная прогулка с другом в долину Грёз...

- Ты дал слово, помнишь? – сказал он Дурову.

- Дал, - подтвердил тот.

- Хорошо, - капитулировал Денисов, потушив сигарету. –

Поехали.

- Так бы сразу...

Из пивной друзья отправились в магазин. После недолгих совещаний взяли три бутылки водки, пластиковые стаканчики, разливной сладкий квас, шоколадные конфеты, батон и палку колбасы в довесок к арбузу.

К немалому удивлению Петра за спиртное расплатился Павел.

В (голубая)

Ветерок срывал с деревьев осеннюю листву и щедро забрасывал редких прохожих багрово-огненным гербарием. Друзья шли к гаражам на самую окраину города – ту окраину, где когда-то оба провели своё детство. Миновав пятиэтажные коробки и мебельный магазин, они перешли пустынную дорогу, направившись к детскому саду с мечтательным названием «Чайка». Пётр давно не бывал в этих краях, ощутив в себе прилив ностальгической волны ко всему, что имело отношение к его счастливому детству: продуктовый магазин, спуск с горы вдоль всё тех же пятиэтажных домов, старые фонари и, наконец, открытая площадка детского сада, на которой он играл ребёнком. Поглядывая за забор на

окна детского сада, Денисов неожиданно вспомнил, как ему залепили твёрдым снежком прямо в глаз, когда он прятался за санками – глаз мгновенно заплыл и долго потом слезился.

- Да, - задумчиво произнёс Пётр. – Давно я здесь не бывал.

- Что такое? – спросил его Павел. – Ностальгия навеяла?

- Она самая, - грустно улыбнулся Денисов, посмотрев на полосатые трубы районной ТЭЦ, дымившиеся по правую сторону от детского сада. – Помнишь, там, на пригорке стоял старый катер, в котором мы прятались от воспитательниц, воображая себя моряками?

- Помню, конечно, - ответил Дуров, достав ключи от гаража. - Его давным-давно убрали.

- Жаль, - вздохнул Денисов, прищурившись на осеннее солнце.

- О-па! – воскликнул Павел, отворив свой гараж. – А вот и наша ласточка. Помнишь, как мы на ней лихо гоняли по улицам? Ух, крепко мне тогда досталось от отца!

- Ты издеваешься? – спросил Пётр, уставившись на старый болотного цвета мотоцикл с коляской «Урал», принадлежавший когда-то отцу Павла.

- Преемственность поколений, - изрёк Дуров, усевшись на мотоцикл.

- Ты хочешь мне сказать, что мы поедem в «Мирный» вот на этом? – не унимался Денисов, не веря своим глазам. – Мы разобьёмся на фиг в этой развалюхе!

- Не слушай его, - улыбаясь во весь рот, обратился Павел

к мотоциклу. - Он не верит в тебя, поэтому так говорит. Посмотрим, как он запоёт, когда мы домчим его до места.

- Как мы поедем по городу пьяные? – спросил Пётр, оглядываясь в знакомом ему с детства гараже.

- Очень осторожно, - ответил Дуров. – Окольными тропами. В том направлении куда мы поедем, нас не остановят.

- Какой ужас, - поморщился Денисов, наклонившись к старому мотоциклу. – Что же ты такой страшный, а?

- Зато исправный, - сказал Павел, уперев свои руки в руль. – Он меня никогда не подводил. Надёжная машина. Тридцать шесть лошадок! С таким табуном он нас домчит куда угодно. Будь спок!

- Хорошо, что водки купили, - усмехнулся Пётр, загрузив пакеты в коляску. – Где у тебя стаканы?

- На полке, - указал Павел. – Сполосни их. Вода в той бутылке.

Пока Павел откупоривал водку, Пётр тщательно промыл гранёные стаканы водой и достал из пакета арбуз. Налили по первой.

- За встречу, - тостировал Павел. Друзья выпили, закусив сочной ягодой.

- Я там, на полке, кое-что заметил, - сказал Денисов, вытирая мокрый подбородок.

- Радиоприёмник? - расплылся в улыбке Дуров. – Помнишь его? А ведь он в рабочем состоянии.

- Не может быть! – не поверил Пётр.

Павел снял с пыльной полки старый приёмник на батарейках, который друзья, ещё будучи школьниками, всюду таскали с собой, и настроил его на радиоволну. Грянула громкая танцевальная музыка.

- Ты смотри, работает, - засмеялся Денисов.

- Возьмём с собой, - предложил Дуров, поставив приёмник на мотоцикл.

- А шлемы с очками для мотоциклета сохранились? – спросил Денисов, разлив по второй.

- Конечно, - ответил Павел. – Вот они.

Пётр сдул пыль с красного шлема, нахлобучив его на свою голову.

- Ты в нём поедешь? - кашлянул Павел. - Зачем?

- Не хочу, чтобы меня увидели знакомые, пока мы будем проезжать город, - сказал Пётр, примерив и очки.

- Меня стыдишься? – без обиняков спросил Дуров.

- Его, - усмехнулся Пётр, указав на мотоцикл.

Павел достал канистру и принялся заправлять мотоцикл. Пётр покосился на оголившуюся спину друга, заметив на поясице тусклый след от старой сведённой татуировки, сделанной Дуровым у какого-то любителя в пьяном угаре. Павел тогда выбрал китайский, как его заверил «мастер», символ, обозначающий достаток и любовь, который ему благополучно и накололи. Вскоре после того Павел имел счастье общаться с японцами, посетившими термальные источники в Паратунке. При виде татуировки японцы покатались со

смеху. Через переводчика растерянному Павлу объяснили, что символ вовсе не китайский, а японский, и означает он отнюдь не недостаток и любовь. «Здравствуй, горчица» - под дружный хохот японцев услышал обескураженный Дуров дословный перевод своей татуировки...

- Чего улыбаешься? – закончив заправку, спросил у Денисова Дуров.

- Давно свёл татуировку? – поинтересовался Пётр, сдерживаясь от смеха.

- А-а-а, - сообразил Павел, приготовив запасную канистру с бензином. – Вот ты о чём... Знаешь, давно. Глупо, конечно, получилось.

- Ещё бы, - рассмеялся Пётр. – Лучше бы картинку какую-нибудь наколот.

- И не говори, - усмехнулся Павел, налив водки. – Давай выпьем на дорожку.

Друзья взяли стаканы и молча чокнулись.

- Чего-то не хватает, - поморщился Денисов, щёлкая пальцами. – Чего-то такого, с остринкой... Может холодца с горчицей?

- Иди ты! - поперхнулся Дуров.

- Здравствуй, горчица! – не удержался Денисов, захохотав до слёз. Павел метнул в него грязную тряпку, забрав себе весь арбуз.

- Здравствуй, арбуз, - сказал он, заедая сочной мякотью. Покончив со всеми приготовлениями, друзья выкатили

мотоцикл на улицу. Пётр пребывал в отличном настроении и веселился от души – в очках и в шлеме, посмеиваясь над собой, он с важным видом уселся в люльку. Павел закрыл гараж и ловко прыгнул за руль.

- Двенадцать семнадцать, - сказал он, взглянув на свои «командирские», доставшиеся ему от отца часы. – Запомни это время и этот день, чувак: они навсегда изменят твою жизнь.

- Поехали! – провозгласил Пётр, махнув рукой.

Г (зелёная)

Голова приятно кружилась от выпитой водки. Узкая дорога плутала мимо улиц и дворов, где друзья провели всё своё детство. Гаражи и детский сад остались позади. Миновав продуктовый магазин по левую сторону и мебельный – по правую, мотоцикл неспешно покатился вниз мимо жилых домов. Пётр поглядывал по сторонам сквозь тусклые стёкла очков, отмечая про себя те немногие перемены, которые произошли за двадцать с небольшим лет с его родным районом. Он жил недалеко отсюда, но ему и в голову не приходило явиться сюда спустя десятилетия, чтобы устроить себе ностальгическую прогулку по утраченному детству. Теперь, когда прогулка всё же состоялась, Пётр понял – он многое терял, когда отказывался воспользоваться машиной времени, которая, как оказалось, всегда была у него под боком. За

развалинами старого барака, за рощей, там, в вышине, Денисов с щемящим сердце чувством увидел пятиэтажный панельный дом, в котором прошло всё его детство. Он быстро отыскал глазами окно на втором этаже по левую сторону – окно его детской комнаты с цветочными занавесками и турником под потолком.

- Кто сейчас живёт в моей квартире? – спросил Денисов у друга.

- Молодая семейная пара с ребёнком, - ответил ему Дуров. – На вид нормальные ребята.

- Те, которым мы продали квартиру? – переспросил Денисов.

- Нет, другие, - сказал Дуров, посмотрев на пятиэтажный дом и своего детства. – Те, которым вы продали уже не молодые. Они потом съехали, перепродав квартиру.

- Понятно.

- Из тех, кого мы знали, с кем общались, на районе никого не осталось, - признался Дуров. – Кроме меня... Кто-то подтянулся поближе к центру, а кто-то вообще подался на большую землю за длинным рублём.

- Как не крути, у нас тут захолустье, - отозвался Пётр. – Перспектив для молодёжи никаких, кругом какая-то непонятная гопота, вот и уезжают все куда подальше. Мы тоже в своё время мечтали перебраться на большую землю, или ты уже забыл?

- Мечты нашей юности, - усмехнулся Павел. – И все воз-

возможности для этого были. Но эта земля нас держит и не хочет отпускать. Мы плоть от неё и кровь. Я тебе больше скажу: этот район не хочет меня отпускать. Тут прошло моё детство, тут живут все воспоминания моего детства. Зря ты подался ближе к центру. В сущности, какая разница?

- В сущности, никакой, - согласился Пётр. - Если бы не Соня, остались бы здесь куковать вдвоём.

- Ты на втором этаже, я на третьем, - сказал Дуров мечтательно. - Забавно вернуться назад в детство?

- Грустно, - ответил Денисов. - В восьмидесятых здесь было намного интереснее и веселее. Всюду чистота и порядок, запах свежей краски... А сейчас что? Паутина из бельевых верёвок, дома обшарпанные, краска облезла... Смотреть больно.

- Край света, - произнёс Дуров. - Все про нас забыли.

- И всё равно я не жалею, что приехал сюда сегодня, - сказал Пётр. - Слишком много приятных воспоминаний, чтобы так запросто отречься от всего. Такое ощущение, словно район стареет вместе с нами. Оттого и грустно.

- Я тебя понимаю, - кивнул Павел.

Пётр разделял слова друга о том, что эта земля «держит и не хочет отпускать», что они «плоть от неё и кровь», но вместе с тем он понимал, почему молодёжь стремится на большую землю, вспоминая себя в юности, когда точно так же хотел вырваться из провинции в большой город, чтобы реализоваться в полной мере. Работа в редакции местной газе-

ты, написание унылых и однообразных статей на злобу дня сводило к минимуму творческий потенциал, который Пётр ощущал в себе. Ближе к сорока он начал задаваться естественным для всякого творческого человека вопросом, – что он сделал такого, чтобы считать себя состоявшимся? Ответ был очевиден – ничего. Статьи в местных газетах ничего ему не давали и, тем более, не утоляли его творческий голод, который с годами лишь усиливался. Иногда Пётр начинал жалеть, что не уехал на большую землю и не устроился в какое-нибудь крупное издательство, где он наверняка бы реализовался. С другой стороны отправляться в неизвестность и начинать всё с нуля, когда тебе сорок, не меньшая глупость, чем остаться в провинции, когда тебе двадцать. Нереализованные амбиции и творческий голод не позволяли Петру признать себя несостоявшимся и бесталанным (последнее для него было смерти подобно). Чтобы проверить себя и свои способности Денисов начал писать художественную прозу, опубликовав свои первые работы в местной печати и ежегодном альманахе. Сняв пробу пера, Денисов продолжил писать, отсылая свою прозу в более-менее известные издательства по всей стране в географическом порядке: дальний восток, Сибирь, средняя полоса, столица. Отметиться в крупных городах оказалось делом не простым, но Пётр не терял энтузиазма, взяв измором большинство крупных издательств, некоторые из которых в итоге сдались и опубликовали несколько его коротких рассказов. Набив таким образом

руку и воскресив уверенность в своих способностях, Пётр задумал написать крупную вещь, с очевидным намерением продать свою книгу и оставить ненужную никому халтуру в редакции местной газеты. Пётр тщательно и ежедневно обдумывал свой будущий роман, делал заметки, намереваясь приступить к его написанию в самое ближайшее время. Он понимал, что времени мало, а результат окончательно расставит все точки над «i» и даст ответ на главный вопрос его жизни: талантлив он или нет? Стать очередным, занимающимся всю сознательную жизнь самообманом, посредственным графоманом – Пётр Денисов боялся больше всего...

Стараясь отвлечься от тяжёлых мыслей, Денисов живо припомнил тот далёкий день, когда они с Дуровым устроили спонтанную, начинавшуюся как шутку, прогулку на этом самом мотоцикле по этому самому району.

Д (светло-коричневая)

Детство крутило педали велосипеда и торопилось жить, ожидая от каждого дня новых подарков и приключений.

В то памятное утро Пётр вышел из подъезда во двор, обнаружив Павла на улице, деловито восседающего верхом на отцовском «Урале». Ухватившись за руль руками, как заправский мотоциклист, Павел весело озирался по сторонам в поисках того, кто мог бы на него сейчас смотреть и ему завидовать. Когда он увидел Петра, его движения и жесты

приобрели ту сосредоточенную важность, с какой дети пытаются продемонстрировать свою самостоятельность и умение казаться быть взрослыми – Павел приосанился и протёр зеркальце, щёлкнув при этом какой-то кнопкой. Он махнул Петру рукой, делая вид, что заметил его не сразу.

- Далеко собрался? – в шутку спросил Денисов.

- Хочу прокатиться по району и удивить девчонок, - ответил Дуров, улыбаясь до ушей. – Ты со мной?

- Одного тебя я не отпущу, - подыграл ему Денисов.

- Тогда прыгай в люльку! – скомандовал Дуров, вцепившись в руль покрепче. – Сейчас тронемся.

- Только сильно не гони, - рассмеялся Денисов, забравшись в коляску. – Кого ждём? Поехали!

- Поехали! – радостно объявил Дуров, включив газ.

Мотоцикл качнулся и медленно покатил по дороге.

- Ты чего?! – испугался Пётр.

- Ничего: едем! – объявил Павел. – Я ведь не шутил.

Он уверенно направил мотоцикл к горке, после чего завернул к спуску между домами. Пётр не стал протестовать, желая посмотреть, насколько у его друга хватит смелости и выдержки играть свою роль. «До первого встречного взрослого» - решил про себя Денисов, приготовившись к самой короткой в своей жизни прогулке на мотоцикле. Дуров, однако, не сдавался – увидев на дороге соседку по подъезду, он ничуть не растерялся и даже громко поздоровался с ней.

- Ребята, вы с ума сошли?! – всплеснула руками женщина.

– Пашка, отец тебе голову оторвёт!

- Мы тут рядом, тётъ Надь! – заверил её Дуров. – На главную дорогу выезжать не будем.

- Отец-то знает? – переспросила тётъ Надя.

- Знает, - соврал Павел, гордо восседая на мотоцикле. – Он разрешил нам прокатиться до поворота.

- Смотрите! – бросила напоследок соседка. – Не выезжайте на дорогу.

Доехав до поворота, Павел остановил мотоцикл и осмотрелся по сторонам: соседка скрылась между домами, а из взрослых никого вокруг больше не было. «Приехали, - решил про себя Пётр. – Сейчас поедем обратно». Но Павел вдруг рванул по газам и вырулил таки на главную дорогу.

- Ты чего?! – испугался Пётр.

- Ссыкатно? – усмехнулся Павел, наслаждаясь произведённым на друга эффектом. – Ты думал я шучу?

- Я и сейчас так думаю! – крикнул Денисов, заёрзав в коляске. – Твоя шутка затянулась.

- Не бойся, - невозмутимо отозвался Дуров. – Машин в это время почти нет. Я проверял.

Машины на их пути действительно не попадались, однако Денисова сей факт совсем не успокаивал. Они неспешно катились вниз вдоль старых построек, и если бы не две одноклассницы, вышедшие к дороге из хлебной лавки, Пётр немедленно наградил бы зарвавшегося друга отчаянным шлепком по спине.

- Привет, девчонки! – приветствовал Павел одноклассниц. - Хотите прокатиться с нами?

Девчонки удивлённо уставились на мотоцикл, буквально оцепенев на обочине.

- Коляска занята, - не унимался Павел, рисуясь перед девчонками. - Прыгайте ко мне на сидение.

- Мы всё расскажем твоему отцу! – ответила Дурову староста класса, взяв подругу за руку и быстро перебежав с ней дорогу.

- Доигрался? – отчаялся Пётр, глядя на бегущих к пятиэтажкам одноклассниц. – Теперь нас точно повесят.

- Ага, на первом суку, - дразнился Дуров, свернув к баракам. – Потом порежут на мелкие кусочки и бандеролью отправят по частям по всему союзу.

- Дебильный юмор, - бушевал в коляске Денисов, шлёпнув друга по спине.

- А-А-А!!! – прорычал Павел, но к обочине не свернул.

Миновав колонку с питьевой водой и старые бараки, он направил мотоцикл к заводской столовой и рыночному ряду, после чего стал медленно взбираться на гору. На перекрёстке возле газетного киоска друзьям повстречалась первая машина. Увидев детей за рулём «Урала», водитель белой «Волги» высунулся из окна и громко спросил:

- Далеко собрались, мальцы?!

- Домой, - бросил ему на ходу Павел, прибавив газу.

Забравшись на гору, друзья сделали крюк у автобусной

остановки и Дома Культуры, затем вильнули влево в сторону аптеки, выехав на узкую дорогу, которая вела к их бело-голубой пятиэтажке.

- Всё, успокоился? – спросил у Денисова Дуров.

- Успокоился, - ответил Пётр, радостно поглядывая на родные пятиэтажные застройки (им тоже, в непосредственной близости от дома, овладело игривое настроение: Пётр высывался из коляски, чуть не подпрыгивая в ней, отпуская шуточки по поводу знакомых, которые встречались им на пути).

- Сашка, ты сделал уроки?! – окликнул он одноклассника.

- Какие уроки? – отзывался тот, раскрыв от удивления рот. – Лето же...

- Ябеда-Корябеда! – тут же кричал Пётр, завидев вдалеке другую одноклассницу, ту самую старосту, которую они уже встречали у хлебной лавки. – Всем успела про нас пожаловаться?

- Кому надо, тому пожаловалась! – отвечала та, покрутив пальцем у виска. – Готовьте задницы для ремня!

- Дура! – резюмировали друзья, весело переглянувшись. – Нас не быют ремнём в отличие от некоторых.

Подъезжая к своему дому, они увидели отца Павла, беспокойно кулившего и мечущегося во дворе в поисках своего исчезнувшего мотоцикла.

- Попались, - произнёс Павел, мгновенно побледнев. – Нам конец.

Заметив детей, мужчина поманил их пальцем.

- Давай-давай, смелее, - сказал Павлу его отец, стараясь держать себя в руках (буквально, он упёр руки в боки и не двигался с места).

Мотоцикл медленно остановился у подъезда.

- Мы только до поворота доехали и обратно, - соврал Павел, заглушив мотор. – Что тут такого?

- А ничего, - осклабился его отец, мужчина жилистый и высокий. – Прокатились до поворота. Делов-то! Вылезайте, давайте.

Друзья неохотно повиновались, чувствуя кожей всю иронию в словах взрослого мужчины, отчаянно старающегося не вспылить, успевшего детально обдумать грядущую казнь.

- Чего вы там вошькаетесь?! – рявкнул он. – Сюда топайте.

- Прости пап, - пролепетал Павел, приклонив перед отцом свою отяжелевшую от вины голову. – Мы больше так не будем.

- Ещё бы! – воскликнул отец, приобняв сына за плечи и направив его в тёмный-тёмный подъезд. – Я тебе покажу паршивец.

С этими словами мужчина отвесил отменного пинка, наградив им стремительно исчезающего в глубине подъезда сына, неосмотрительно придав ему ускорения, позволившего Павлу ретироваться по лестнице верхних этажей.

- Ты куда?! – бушевал его отец, пустившись за ним вдогонку. – А ну стой!

Пётр остался во дворе, слыша, как грохочет от бешеного топота вся пятиэтажка. Где-то хлопнула дверь, и спустя пару минут всё стихло. Денисов взволнованно прохаживался во дворе, игнорируя весёлое щебетание воробьёв, стараясь не смотреть на одноглазого монстра, который их так подвёл.

- Петя! – вдруг окликнул его с третьего этажа мужской голос. – Встретишь Пашку, скажешь ему, чтобы шёл домой! Он на крыше спрятался.

- Хорошо, дядь Вань! – пообещал Денисов отцу Павла.

- И пусть не боится: - добавил мужчина – я его не трону.

- Передам!

«Всё-таки улизнал, - подумал про себя Денисов. – Ай да Пашка!»

Пётр не сразу услышал тонкий и жалобный свист, доносившийся откуда-то с небес, а когда посмотрел вверх, то увидел маленькую, словно спичечную, головку, свисавшую с самой крыши.

- На нашем месте! – коротко сообщил ему звенящий голос Дурова.

На чердаке среди тоннелей, засыпанных оранжевым керамзитом, располагалась тайная штаб-квартира друзей, в которой принимались самые важные в их жизни решения. Пётр бесшумно прокрался на пятый этаж, затем вскарабкался по лестнице в чердачное окно, с опаской поглядывая на глазки в дверях. Упруго уминая ботинками мягкий керамзит, он осторожно прошёлся по тоннелю, пока не услышал издали

трепыхающихся в беспокойстве голубей. Павел сидел на корточках у приоткрытого оконца, колупая веткой присохший к стене, украшенной наклейками, голубиный помёт. Пётр присел рядом и дословно передал другу ультиматум отца. Выслушав его молча, Павел произнёс со жгучей обидой в голосе:

- Он никогда меня раньше не бил.

- Это он сгоряча, - сказал Денисов, не зная, что нужно говорить в таких случаях. – Он обещал тебя больше не трогать. Я ему верю.

- Всё равно не хочу идти домой, - произнёс Дуров, выглянув в оконце и пустив из него тягучий плевок.

- Рано или поздно придётся, - заметил Денисов, спугнув голубя, заполошно влетевшего на чердак.

- Давай поклянёмся в нашей дружбе, - неожиданно предложил Дуров, вынув свой перочинный нож с ярко-зелёной рукояткой. – Что бы не случилось, мы никогда не предадим друг друга. Мы будем лучшими друзьями всю нашу жизнь.

- Клянусь, - с готовностью ответил Пётр, с опаской посмотрев на нож друга, которым они играли в городки.

- Скрепим нашу клятву кровью, - сказал Павел, вытерев лезвие носовым платком и уколол себя в указательный палец. – Держи.

Пётр неуверенно взял нож и проткнул им розовую подушечку своего дрожащего пальца, будто бы выколупнув из неё рубиновую бусинку. Друзья сцепили пальцы крючком, скре-

пив свою дружбу кровью.

- Отныне мы самые лучшие в мире друзья, - торжественно объявил Павел, и сморгнул слезу.

- Лучшие в мире, - повторил Пётр, чувствуя, как пульсируют их пальцы.

Спустившись с чердака, друзья отправились к школе, чтобы покататься на металлических канатах под осветительными мачтами над футбольной площадкой. Лето только началось, но уже успело сделать свой первый подарок в виде долгих школьных каникул (друзья перевелись в четвёртый класс). Громяхая железяками по осветительным мачтам, друзья по очереди запрыгивали на канат и облетали мачту по кругу, приземляясь точно на то место, откуда начинался разбег. Они смеялись от души, позабыв, кажется, о своём опасном утреннем путешествии.

Вечером, тяни время – не тяни, Павел отправился домой на закланье к отцу. Неделю он не выходил из дома.

Е (светло-зелёная)

- Если бы мне предложили вернуться в тот день, чтобы отменить поездку: я бы ничего не поменял, - говорил Павел, управляя мотоциклом.

- Даже не взирая на недельный арест? – спросил его Пётр.

- Плевать на арест, - сказал Павел. – Плевать на телевизор, доступ к которому я не имел ещё месяц. Зато книг прочитал

целую полку: все, что у меня были.

- Отец сдержал своё слово?

- Да, - подтвердил Павел: - он меня не тронул, если ты об этом.

- Ты крепко тогда на него обиделся, - вспоминал Денисов.

- А ты бы не обиделся, если бы тебя при твоих друзьях наградили пинком под зад, как какого-нибудь шелудивого пса?! – воскликнул Дуров.

- Пожалуй, - согласился Денисов. – Меня, признаться, никогда не били.

- Меня тоже... до того дня.

- Надеюсь, эта поездка закончится лучшим образом, - осмелился предположить Денисов.

- Ну, пинка под зад нам уж точно никто не даст! - засмеялся Дуров. – Разве что ДПСники за вождение транспорта в нетрезвом виде.

- Спасибо, утешил.

- Да-нет, - посмеивался Павел. – Там, куда мы едем – их просто нет.

- Туда ещё надо доехать, - заметил Пётр, опасливо озираясь по сторонам из люльки (не мелькнёт ли где полосатый жезл?).

- Я бы ничего в своей жизни не менял, - произнёс Павел задумчиво. – Всё что было – всё моё. И этого у меня не отнять. Есть, конечно, не очень приятные эпизоды в моей биографии, но без них я бы не стал тем, кем я стал.

- Пустые слова! – возразил Пётр. – Каждый нашёл бы, что поменять в своей жизни. Только такой возможности нам никто, увы, не предоставляет.

- И что ты поменял бы? – поинтересовался у друга Павел.
– День нашей встречи с тобой?

- Его бы я оставил, - усмехнулся Пётр. – А вот кое-что после двадцати лет я бы обязательно подкорректировал.

- Например?

- Не стал бы разводиться с женой, - ответил Петр нераздумывая. – Не оставил бы свою дочь без отца. Не говорил бы всех тех слов, которые я им сказал в минуту слабости. Как тебе такой пример?

- Годится, - сказал Павел. – Послушай мой пример на заданную тему. Моя бывшая жена всегда была против аборт. Когда у нас родился сын, мы твёрдо решили не торопиться со вторым ребёнком. Мы предохранялись и всё такое. Так уж получилось, что через полтора года после рождения Никитки моя жена неожиданно для нас обоих забеременела. Как быть? Я предложил ей сделать аборт. Она в категорический отказ. Я, однако, настоял на своём, и мы избавились от нежелательной беременности. Не прошло и года, как она снова залетела. Грешным делом я стал думать, что жена моя погуливает на стороне. Я опять настоял на аборте. На третий раз, как в сказке, она отказалась делать аборт, точнее соврала мне, что сделала, а когда появился живот – её тайна раскрылась. Срок большой, прерывать опасно... Прижали меня

к стенке. Она родила Славика.

- Не пойму твоей мысли, - вставил Денисов. – Эту историю я знаю.

- Дослушай до конца, - настоял Дуров. – Я запил, много ссорился с женой. В итоге мы разошлись. Я бросил свою жену и своих детей из-за того, что она не сделала тот злосчастный аборт. Я люблю Славика всей душой, всем сердцем, поэтому я ничего бы не стал менять, если бы у меня была возможность вернуться в прошлое и его «подкорректировать», сохранив, тем самым, свою семью.

- Необязательно делать аборт, - сказал Денисов, дослушав друга до конца. – Достаточно было бросить пить.

- Но я не бросил, - ответил Дуров. – Я поступил так, как поступил. Выпивка здесь не при чём. Желание вернуться назад и что-то исправить – детское по своей сути желание. Мы стремимся к счастью, которое мы сами себе выдумываем.

- По-моему ты начинаешь заговариваться.

- Отчего же? Все хотят быть счастливыми. Я знаю, о чём сейчас говорю. В детстве я был абсолютно счастливым. История с мотоциклом часть того общего счастья.

- И пендель твоего отца? – спросил с подковыркой Денисов.

- И пендель моего отца, - невозмутимо ответил Дуров. – Как говорится, есть что вспомнить.

- Если так рассуждать, то не всегда вспоминается только хорошее, - сказал Денисов. – Память имеет подлое свойство

фиксировать всякие гадости. Вот живёт на свете какой-нибудь Вася, работает усердно, правильно воспитывает детей, любит свою жену, а напился однажды и побежал в ночи голяком по городу. Всё! Жизнь Васи на том и кончена в глазах людей. Хоть сейчас в гроб ложи. Кто такой Вася, чем он жил? Все его былые заслуги по боку – только о том разговоры, как он по пьяной лавочке отсветил своей пиписькой.

- Хочу с ним познакомиться, - хохотнул Дуров. – Память избирательна. Я не имею в виду посторонних малознакомых нам людей. Прежде всего, мы апеллируем понятиями счастья, когда оглядываемся назад и вспоминаем нашу прошлую жизнь. Там всё перемешано: и плохое, и хорошее. Время делает вытяжку из всего этого и оставляет нам основу, которой мы стараемся придерживаться в течение всей нашей жизни в погоне за новыми радостями и удовольствиями.

- Остапа понесло, - отмахнулся Пётр, не желая спорить на данную тему.

- Счастье остаётся с нами, - закончил свою мысль Павел.
- Просто оно стало другим.

Он замолчал и сосредоточенно уставился на дорогу, подбирая в уме нужные слова для дальнейшей дискуссии. Денисов видел, что он отчаянно хочет выпить.

- Почему-то я часто вспоминаю один Новый год, который мы отмечали совместно, - произнёс Пётр. – Вы тогда нам подарили корзинку со всякими яствами.

- Как же, помню, - улыбнулся Павел. – Славные были вре-

мена.

- Ты тогда тоже рассуждал о счастье: мол, в детстве был счастливым, а сейчас как-то не так. Спустя годы твоё мнение поменялось?

- Безусловно, - ответил Павел. – Счастье с тех пор пошло на убыль, оно измельчало и куда-то затерялось. Не исключая, что спустя ещё пару лет я вспомню наш сегодняшний день не иначе, как с привкусом утраченного счастья. Приходится довольствоваться тем, что у нас есть на данный момент... Я тоже часто вспоминаю тот Новый год.

- Здорово ведь было?

- Зыка! – согласился Павел.

Ё (серо-зелёная)

Ёлка в тот год была живая. Ветви украсили синими, красными и золотистыми шариками, водрузив на макушку красную шапку Деда Мороза. Под ёлкой спрятали пёстрые коробки с подарками, а само дерево увидели мигающей гирляндой. Накрыли праздничный стол, достали хрустальные бокалы и поставили шампанское томиться в холодильник. К шести часам пришёл Павел с женой и сыном – в подарок хозяевам гости преподнесли увесистую корзину с деликатесами, дорогим алкоголем и цельным ананасом. За столом выпили за уходящий год, вспоминая всё только лучшее, что в нём случилось. Потом все вышли во двор и слепили весёлого снего-

вика, снабдив его сосулькой и камнями (носом и глазами соответственно), попутно устроив шумную баталию снежками. Пётр с Павлом, как могли, отбивались от своих жён и детей, укрывшись в итоге от смелого натиска со снежными отметинами на куртках и шапках в подъезде. Пустив в расход пару петард, раскрасневшаяся на морозе компания вернулась в дом, чтобы продолжить застолье и проводить уходящий год. В полночь традиционно бахнули пробкой из бутылки с шампанским, наполнив бокалы пенным игристым под дружное «Ура»! Играла громкая музыка, взрослые танцевали, а дети сонно копошились под ёлкой, растормошив все коробки с подарками. Пётр снял с макушки красную шапку и нахлобучил её себе на голову, выплясывая перед женой, хватая её на руки и падая вместе с ней на диван. Павел не отставал от друга, посадив свою супругу себе на плечи так, что она набила себе шишку о потолок. В перерывах между танцами и коньяком, мужчины выходили на кухню покурить.

- Ты счастлив? – спросил Павел, стоя у окна.

- Очень, - ответил Пётр. – С чего вдруг такие вопросы в разгар веселья?

- Я не про новогоднюю ночь, а вообще в целом, - уточнил Дуров. – Ты считаешь себя счастливым человеком?

- Это не меняет дела, - сказал Денисов. – У меня красавица жена, здоровый ребёнок, любимая работа... Да – я счастливый человек.

- Ты идёшь по избитому пути: жена, ребёнок, работа...

- Тебе мало?

- Помнишь, в детстве, мы были настолько счастливы, что даже побаивались нашего счастья, словно должно произойти что-то очень плохое, чтобы мы не сошли с ума от счастья?

- Помню, - улыбнулся Пётр.

- Так вот, - продолжал Павел, - я тоже помню, как было тогда и как обстоит дело сейчас. Разница, доложу тебе, ощутимая. Тогда я конкретно осознавал своё счастье, теперь же я привожу в пример какие-то доводы, которые должны убедить всех и, прежде всего, меня самого, что я действительно счастливый человек. Красавица жена, здоровые дети... В этом есть какая-то фальшь, какой-то вынужденный самообман, не находишь?

- Не знаю, - ответил Денисов. – Сейчас больше страхов и ответственности перед другими людьми, чем в детстве. Мы переживаем не столько за себя, сколько за наших близких, и страхи, которые нас преследуют всю сознательную жизнь, не способствуют абсолютному счастью, если ты о нём сейчас говоришь.

- О нём, - подтвердил Дуров. – Абсолютное счастье ребёнка, который запомнил его на всю оставшуюся жизнь. С таким воспоминанием взрослому жить не просто. Признаться, я потому и люблю выпить, что когда я пьяный, я превращаюсь на какое-то время в ребёнка. Мне нравится это состояние – я пьяный, я делаю глупости и веду себя как шут гороховый. Конечно, трезвому странно и боязно наблюдать за

пьяным детиной, который ведёт себя как ребёнок.

- Интересная аналогия, - задумчиво произнёс Денисов.
– Что-то в этом есть... Рассуждая об абсолютном счастье, ты забываешь тот отрезок нашей жизни, когда счастье было действительно абсолютным и безмерным. Я говорю про тот период, который мы совершенно не помним – период младенчества. Первые три года. Наверное, мы забываем о нём, чтобы не сойти с ума от горя утраты, когда становимся взрослыми. Как думаешь?

- Не исключено, - согласился Павел. – Мы помним ровно столько, сколько нам необходимо помнить, чтобы выжить.

- Мужики! – воскликнула зашедшая на кухню Соня. – Мы вас потеряли, а вы тут на кухне морочите друг другу головы. Айда плясать!

- погоди, - возразил Пётр, обняв жену. – У нас тут весьма занимательная дискуссия и нам важно твоё мнение... Света! Ты вовремя. Иди тоже к нам.

Павел привлёк свою жену к себе, усадив её на колени.

- У них тут крайне занимательная дискуссия, и они хотят взять нас в свидетели, - пояснила Соня.

- Не в свидетели, а в полноправные участники, - поправил её Павел.

- И о чём вы хотите поговорить? – спросила Светлана мужа.

- О счастье, - ответил Павел. – Вот ты, моя жена, мать моего ребёнка, чувствуешь себя счастливой?

Женщины снисходительно переглянулись между собой.

- Всё ясно, - произнесла Соня, состроив недовольную гримасу. – Мы тут надолго застряли.

- Нет, правда, - поддержал Пётр друга. – Вы счастливы?

- Я счастлива, - закатив голубые глаза, ответила Соня. – Доволен?

- Вполне, - кивнул Пётр, поцеловав супругу в шею.

- А ты? – допытывался Павел у своей жены.

- Как можно быть несчастной рядом с таким красивым и умным мужчиной? – произнесла Светлана.

- Только давай без сарказма, - попросил Павел, скривившись.

- Я счастлива, - ответила Светлана, взяв мужа за щёки и чмокнув его в кончик красного носа. – Я безмерно счастлива.

- Без дураков?

- Ну, если нас с тобой не брать в расчёт, - пошутила Светлана, приснув вместе с Соней от смеха.

- Тьфу на тебя, - обиделся Дуров.

- Шучу-шучу, – сказала Светлана, поцеловав мужа в губы.

- А что такое для вас счастье? – спросил Денисов у женщин. – Все мы в детстве были счастливыми, в большей или в меньшей степени. Теперь мы все стали взрослыми, обзавелись семьями, у самих дети подрастают, но всё ли это делает нас по-настоящему счастливыми, по максимуму, как в детстве?

- Ё-моё! – всплеснула руками Соня. – Нам только философского трёпа в Новый Год не хватало.

- Я, например, считала себя в детстве крайне несчастным ребёнком и мечтала поскорее повзрослеть, - ответила Светлана, покачиваясь на коленях у Павла. – Так уж получилось, что детство своё вспоминать я не люблю. Сейчас я действительно счастлива, когда у меня есть своя семья и дети.

- Подписываюсь под каждым словом, - согласилась с ней Соня. – Детство у меня было так себе. Постоянная ругань между родителями, старший брат-сдюга любимчик отца... Я торопилась стать взрослой. Познать счастье мне удалось в сознательном возрасте. Не знаю, почему все твердят про детство, как про некий потерянный рай? Спросите у бездомных детей, насколько они дорожат своим детством и насколько оно у них счастливое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.